

П. Н. ТКАЧЕВ

Анархическое государство

<Фрагменты>

I

В числе вопросов, обсуждавшихся на последнем общем конгрессе анархических секций Интернационала (в Брюсселе, в сентябре 1874 г.), на первом плане стоял вопрос *об общественных службах в будущем обществе*.

Вопрос этот предварительно рассматривался в частных собраниях секций, которые и представили конгрессу более или менее выработанные проекты организации общественной службы при тех новых общественных отношениях, которые создаст социальная революция.

Два из этих¹ проектов (один, представленный де Пап от имени брюссельской секции, другой — представленный женевской секцией), отличающиеся наибольшей полнотой и обстоятельностью, были изданы отдельными брошюрами и в прошлом году появились в русском переводе под общим заглавием: «*Общественная служба в будущем обществе. Две записки, представленные на брюссельский конгресс Международной ассоциации рабочих. 1874*. Издание журнала “*Вперед!*”. Перев. с франц. с предисловием и примечаниями»².

Записки эти заслуживают во многих отношениях самого серьезного внимания с нашей стороны. В них обсуждается вопрос, составляющий один из существеннейших пунктов каждой революционной программы, вопрос, решение которого безусловно обязательно для каждой революционной партии, для каждого революционера.

Пока революционер не уяснит себе, хотя в самых общих чертах, *как и чем* следует заменить существующий ненормальный

строй общественных отношений, пока в его голове не сложится хотя какого-нибудь идеала «лучшего будущего», до тех пор от его деятельности нельзя ждать никаких особенно полезных результатов, в ней не будет ни устойчивости, ни последовательности, ни целесообразности; это будет деятельность неосмысленная, так сказать инстинктивная, не заключающая в самой себе никакого внутреннего, разумного стимула. <...>

И что же мы видим? Чуть господа анархисты сделали попытку спуститься с туманных высот абстрактной и бессодержательной фразеологии на реальную почву конкретных фактов, чуть только они стали уяснять себе практический вопрос об организации общественных служб, как сейчас же и оказалось, что все их нападки на *государственников* основаны на простом недоразумении, на непонимании как своих собственных идеалов, так и идеалов своих противников. <...>

Начнем с самого начала. Определим прежде всего с возможной точностью самый предмет, о котором они трактуют. *Организация общественных служб...* но что же такое *общественная служба*? Что подразумевают под этим термином брюссельские и женеvские анархисты?

«Мы придали бы словам *общественная служба* слишком обширный смысл, — говорит брюссельская записка, — если бы подвели под них всякую службу или всякую работу, полезную или даже абсолютно необходимую для коллективности, для общества, работу, без которой оно не может обойтись безнаказанно. В этом случае следовало бы прежде всего смотреть как на общественную службу на производство предметов первой необходимости: земледелие, труд хлебников и мясников, постройка жилищ были бы в особенности общественной службой» (стр. 3). Итак, тот признак, что общественная работа, отправление известных обязанностей «полезно или даже абсолютно необходимо» для общества, еще не составляет характеристической особенности понятия об общественной службе. Следовательно, понятие это должно определяться каким-нибудь другим признаком. Каким же? Брюссельская записка отвечает на этот вопрос так: «Лишь те общепользные работы составляют или должны составлять общественную службу, которые: 1) или вовсе не имели места, будучи предоставлены частной инициативе, или уклонились бы в этом случае от надлежащего их назначения; 2) которые было бы опасно оставлять в частных руках, чтобы они не обратились бы

в монополию; 3) которые требуют обширного совокупного труда, комбинированных усилий большого числа рабочих». Но все эти свойства почти в одинаковой степени присущи всем родам общественной работы. Возьмите какую угодно общественную работу, хотя, например, работу по производству предметов первой необходимости — «земледелие, труд хлебников, мясников, постройку жилищ», и предоставьте ее (как это имеет место при настоящих общественных отношениях) в исключительное заведование частных лиц, отдайте ее в руки частной инициативе, и она неизбежно обратится в монополию, «уклонится от своего надлежащего назначения». Вся история человеческих обществ служит несомненным доказательством этого a priori, впрочем очевидного факта. Анархисты сами знают это не хуже нас. Почему же они исключают из понятия общественной службы работы по производству предметов первой необходимости: земледелие, труд хлебников, мясников и т. д.? Очевидно, в их уме (как и в уме каждого человека) с этим понятием соединяется какое-то другое представление, представление, о котором они почему-то тщательно умалчивают. Но, быть может, женевские анархисты были откровеннее брюссельских? Быть может, в их записке мы найдем более точное определение общественной службы?

Поищем.

«Общественная служба, — читаем мы в женевском отчете, — получается во всех случаях, когда служба (т. е. работа) по самой сущности своей связана с общими интересами коллективности; при всяком учреждении, созданном для объединения производительных групп, во всякой организации, содействующей облегчению их сношений, касающихся обращения продуктов и их сохранения» (стр. 77). Но ведь это определение еще обширнее и всеобъемлющее того, какое дает брюссельская записка.

Возможно ли себе представить такую общепользную работу, которая «по самой сущности своей» не была бы связана «с общими интересами коллективности»? Очевидно, подобное представление немислимо. Следовательно, понятие об общественной службе должно было бы совпадать с понятием о всякой общепользной работе. Но нет, и женевские анархисты, подобно брюссельским, подразумевают под *общественной служебной* работой какую-то особенную работу, специальную, чем-то отличающуюся от обыкновенной работы вообще. Определить это *чем-то* они не могут или просто не желают. <...>

Перебирая длинный список «общественных служб», проектируемых женевскими и брюссельскими анархистами, мы должны признать, что все они существуют и в современном буржуазно-феодалном обществе; только в современном обществе они распределены между различными органами общественного управления с несравненно большей систематичностью и логичностью, чем в анархических проектах. Составители этих проектов, очевидно, совершеннейшие профаны по части государство- и обществоведения; они делают такие грубые ошибки в классификации общественных служб, которых ни за что бы не сделал самый посредственный из первокурсников камерального или юридического факультета. Если бы их законодательные проекты могли быть осуществимы, то в общественном управлении произошел бы такой хаос, такая путаница, которая немедленно должна была бы вызвать реакцию в пользу старого, дореволюционного государственного строя. <...>

II

Однако как ни велик хаос классификаций общественных служб в обеих записках, эта классификация представляет во всяком случае не более как плохую копию с классификации общественных служб современных нам обществ. Потому для того, чтобы определить тот существенный признак, который отличает общественную службу от общепользуемой работы вообще, нам нужно только уяснить истинный смысл понятия об общественной службе в данном обществе. Все те разнообразные общественные отправления, которые анархисты подводят под категорию общественной службы, все они составляют в своей совокупности то, что в данном обществе называется *государственным* и *общественным управлением*. Слово *управление* — равнозначаще слову *власть*. Всякое управление, хотя бы его объектом были водосточные трубы, предполагает власть.

И действительно, разбирая все только что перечисленные нами категории общественных служб, проектированных анархистами, вы убедитесь, что все они не имели бы никакого практического смысла, если бы им не была присуща некоторая доля власти. <...>

Вообще невозможно себе представить ни одной такой общественной службы, которая могла бы осуществиться без атрибута *власти*. Власть — это ее постоянный, наиболее существенный

элемент, это тот характеристический признак, который отличает ее от всякой общепользуемой работы вообще. Едва только какая-нибудь общепользуемая работа возводится в *общественную службу*, как она становится *властью* (конечно, властью в пределах своей деятельности), а люди, отправляющие ее, — *людьми власти*. При этом решительно все равно, будут ли эти люди по *собственному призванию* отправлять ту или другую общественную службу, или их будет назначать какая-нибудь верховная власть, община, федерация, законодательное собрание и т. п.

Теперь мы без труда можем понять, почему анархисты не могли дать точного определения термину *общественная служба*, почему они так тщательно скрывали тот существенный признак, который отличает ее от полезной работы вообще. Скажи они прямо, без вылианий и двусмыслиц, *что* обыкновенно подразумевается и *что* необходимо должно подразумеваться под общественной службой, — и для всех стало бы вполне очевидным, что их проекты *организации общественной службы* суть не что иное, как проекты *организации общественной власти*. Отрицать власть в принципе и в то же время сочинять проекты организации власти — это, разумеется, не совсем последовательно. И вот, чтобы замаскировать эту непоследовательность, они и решились прибегнуть к фальсификации понятия общественной службы.

Однако эта фальсификация лишь на минуту могла замаскировать бьющую в глаза непоследовательность. Анализируя в подробностях, *как и кем* будут отправляться общественные службы, составители брюссельской записки увидели себя в необходимости торжественно сознаться, что службы эти, в их совокупности, составляют в сущности то, что называется *государством*, и что, следовательно, в своей записке они хотели только представить проект организации будущего государства.

«Разве мы можем не называть государством, — говорят они, — эту свободную группировку, если цель ее заключается именно³ в приведении в действие, при помощи администрации, специально для этого назначенной, тех отраслей общественной службы, которые составляют главную функцию государства?» (стр. 21).

Но как же это? Анархисты, антигосударственники пишут проекты организации государства? Значит, они признают его необходимость? Да, логика, здравый смысл, эти исконные враги всякой анархии, заставили их волей-неволей сделать это признание. <...>

Итак, сами анархисты сознают, что требовать уничтожения государства так же дико и нелепо, как и требовать уничтожения машин. Нет, говорят они, не уничтожать мы его должны, мы должны овладеть им, вырвать его из рук привилегированных классов и передать его в руки рабочих, из орудия эксплуатации и консерватизма превратить его в орудие социальной революции!

Но зачем же они в таком случае продолжают называть себя антигосударственниками и анархистами? Составители брюссельской записки с похвальной откровенностью отвечают на этот вопрос таким образом: «Мы удерживаем за собой кличку анархистов, потому что слово “анархия” внушает ужас буржуазии и потому что оно нам нравится» (стр. 23).

Вот это по крайней мере чистосердечно. Если бы на буржуазию наводило ужас слово *дурак*, они называли бы себя *дураками*, подобно тому как называли себя *сволочью* (гезами) нидерландские инсургенты, как называют себя *вигами* английские либералы⁴. Анархия для них не более как условный ярлык, лишенный всякого внутреннего смысла, ярлык⁵, который они наклеили на свое знамя единственно только для того, чтобы запугать буржуазию, и который, однако же, их ровно ни к чему не обязывает.

Ввиду такого категорического признания мы решительно не можем понять, зачем это понадобилось составителям брюссельской записки доказывать — и доказывать в ущерб здравому смыслу, — будто проектируемое ими государство будет совсем не *архия* (власть), а *анархия* (безвластие), что это будет *анархическое государство* (т. е. государство антигосударственное). *Анархическое государство...* можно ли подобрать более несообразное сочетание слов; ведь это все равно что сказать *архическая анархия, безвластная власть* или *властное безвластие!* Но если сочетание слов несообразно, то еще несообразнее должна быть та аргументация, которая старается оправдать его. Действительно, желая уверить «своих друзей анархистов» в возможности существования анархического государства, авторы брюссельской записки рассуждают таким образом: «Суть власти, конечно, состоит не в акте исполнения принятых решений, исполнения вотированных законов, не в *управлении* (а как же можно управлять без власти?) разными видами общественной службы... а в акте составления закона и сообщения ему обязательной силы. Но законодательство может вовсе не принадлежать государству (?), вовсе не входить в число прав, ему

присвоенных; законы могут быть вотированы непосредственно в общинах...» (стр. 23 и 24).

Что это? Шутят люди или говорят серьезно?

Если они говорят серьезно, то зачем же они говорят такие глупости? Неужели они не понимают, что передать законодательную власть общинам — значит передать им одну из важнейших функций государства, иными словами — не разрушить государственную власть, а, напротив, создать из каждой общины самостоятельное государство.

Неужели, наконец, они в самом деле думают, что «вся суть» государственной власти заключается в праве издавать законы, т. е. в законодательной власти? Но какой же смысл могло бы иметь это право, если бы рука об руку с ним не шло право *принуждать* к исполнению «принятых решений», «вотированных законов», т. е. если бы рядом с властью законодательной не стояла власть исполнительная? Раз они допустили в своем государстве последнюю власть, они неизбежно должны признать и необходимость авторитарного государства.

Им угодно называть это авторитарное государство государством анархическим. Ну что же, пускай себе называют; мы знаем уже, что слово *анархия* имеет для них лишь чисто условное значение. Посмотрим же теперь, в какие формы должно (по их проектам) воплотиться это анархическое государство, какие принципы должны лечь в его основу и насколько оно может быть *революционно*, т. е. насколько оно может содействовать практическому осуществлению в жизни идей социальной революции.

III

По мнению женевской записки, в основу анархического государства должен лечь федеративный принцип, оно должно представлять собою не более как свободную федерацию свободных и совершенно самостоятельных общин, которые в свою очередь суть не что иное, как «добровольные союзы производительных групп».

Таким образом, «производительные группы», т. е. группы рабочих известной профессии, живущих на известной территории, составляют как бы ячейку будущего государства; союз этих групп образует общину; союз общин — федерацию или государство.

Какие именно общественные службы должны входить⁶ в область деятельности государства (федерации) и какие в область

общины и «производительной группы», женевская записка не дает на этот вопрос точного и обстоятельного ответа. Очевидно, ее составители если и имели на этот счет какие-нибудь представления, то только очень смутные и неопределенные. Основываясь, однако, на том, что их община должна представлять собой вполне свободный и независимый союз «производительных групп», можно предполагать, что она будет пользоваться самой широкой автономией во всем, что касается ее внутреннего управления, ее общественного и экономического благоустройства, иными словами, что большая часть общественных служб будет находиться в ее исключительном заведовании. <...>

Понятно, что подобная общинная федерация, лишенная всякой реальной силы, представляющая собой не более как средний итог, средний вывод из всех входящих и ее состав общинных единиц, не могла бы оказывать на последние никакого существенного влияния; напротив, она сама находилась бы под постоянным их давлением и вся ее деятельность сводилась бы лишь к некоторому обобщению и регулированию их единичных деятельностей. Следовательно, по существу своему это федеративное государство должно бы было иметь чисто консервативный характер и его задача заключалась бы не в разрушении и пересоздании того, что есть, а лишь в охране и защите *существующего*, насколько это *существующее* признается и поддерживается той или другой общиной.

Революционно-социалистический характер могут иметь лишь общины как непосредственные устроители и полновластные распорядители своей внутренней жизни, своего общественного и экономического быта.

Но при каком же условии они действительно будут иметь этот характер? Очевидно, только при том условии, когда все или по крайней мере значительное большинство лиц, входящих в общинный союз, в союз производительных групп, будет проникнуто революционными принципами, когда оно будет ясно понимать задачи рабочего социализма, *глубоко и искренно* желать их практического осуществления. Необходимо притом, чтобы подобное условие имело место во всех или по крайней мере в значительном, в подавляющем большинстве общин. <...>

Такая политическая форма, проектируемая женевскими анархистами, может только тогда повести к социальной революции, когда весь народ или подавляющее большинство его проникнется идеями рабочего социализма и страстным желанием осуществить

эти идеи на практике. Пока же не случится этого, их государство будет настолько же (если не больше) консервативно, как и нынешнее, и их революция будет иметь чисто политический характер.

Но когда же это может случиться, да и может ли вообще когда-нибудь случиться при существующем консервативном государстве? Самые решительные, самые преданные анархисты допускают эту возможность лишь в очень и очень отдаленном будущем. Что же делать до тех пор? Ждать и не отваживаться на открытую борьбу с существующим порядком вещей, отлагать дело революции в бесконечно долгий ящик. Но в нашей ли это власти?

Составители брюссельской записки отвечают на этот вопрос утвердительно. «Государственная организация снизу вверх, — говорят они, и говорят совершенно справедливо, — предполагает полную группировку рабочих в ремесленные общества, но надо признаться, что эта группировка и в среде собственно промышленных рабочих едва лишь началась; что же касается земледельческих рабочих, то аналогичные примеры мы видим лишь в Англии да в Испании с последнего времени. Пройдет немало времени, пока движение настолько разовьется и окрепнет, чтобы создать общину в общине, государство в государстве».

«А между тем буржуазия разлагается; все буржуазные государства более или менее приближаются к банкротству; законное нетерпение волнует пролетариат больших городов и больших промышленных центров, так как жажда справедливости в нем слишком сильна, чтобы выжидать, пока весь пролетариат, при обычном медленном ходе дел, дорастет до него в умственном отношении; рабочий класс в иных странах, а именно в Англии и Германии, следует по политическому пути, который ведет его сегодня посредством легальных мер, но завтра, быть может, посредством мер революционных, не к разрушению существующего государства, организованного сверху вниз, а к захвату его в свои руки и к употреблению громадной централизованной силы, находящейся в его распоряжении, на дело эмансипации пролетариата; если это явление будет иметь место среди одного из этих народов, оно может отозваться потрясением и других...»

Ввиду всего этого не может ли иметь место, спрашивают составители брюссельской записки, такой случай, что, прежде чем организация рабочего класса в ремесленные общества получит достаточное развитие, «обстоятельства принудят пролетариат больших городов установить *коллективную диктатуру* над остальным

населением и сделать это в продолжение революционного периода, достаточно долгого для того, чтобы устранить все препятствия, лежащие на пути к освобождению рабочего класса». <...>

Итак, умные анархисты не только признают необходимость, но считают даже совершенно неизбежным *авторитарно-диктаторское государство* в том по крайней мере случае, когда насильственный переворот опередит ход *легального* прогресса, опередит мирную революцию, совершающуюся под влиянием социалистической пропаганды в чувствах, понятиях, идеалах, привычках и традициях большинства народа. Но ведь этот-то случай и имеют в виду социалисты-революционеры, ведь на него-то они и рассчитывают; следовательно, установление авторитарного государства должно быть ближайшей и непосредственной целью всех их стремлений.

Но если это так, то задача революционера, желающего уяснить себе общественную организацию, долженствующую *на другой день после революции* заменить данную дореволюционную организацию общества, сводится к определению функций деятельности авторитарного государства и отношения его к различным общественным элементам.

Только при помощи этого государства, по словам брюссельской записки, может быть осуществлена социальная революция в ближайшем будущем, следовательно, на нем только одном и должно теперь сосредоточиться внимание всех тех, которые, подобно составителям этой записки, понимают, что «пролетариат больших городов и больших промышленных центров... не может выжидать, пока весь остальной пролетариат, при обычном медленном ходе дел, дорастет до него в умственном отношении, которые понимают, что организация снизу будет более или менее далеким результатом социальной революции, а не пунктом ее отправления и сигналом к ней» (стр. 26).

Но тут мы опять натываемся на противоречие. Составители записки признают, что, по всей вероятности, отправным пунктом социальной революции будет не государство анархическое, а авторитарное, и в то же время, разбирая вопрос о том, «что должен будет предпринять пролетариат *на другой день после своей победы?*»*, рекомендуют ему государство анархическое.

* По смыслу обеих записок фраза «на другой день после победы пролетариата» совсем не означает окончательного торжества новых общественных начал над старыми, полного и всестороннего осуществления в жизни социалисти-

Но что же он будет делать с этим государством, когда оно по существу своему антиреволюционно, когда оно вместо того, чтобы централизовать в его руках всю ту силу, которая ему необходима для осуществления идей социализма, децентрализует ее, т. е. раздробляет, а следовательно, ослабляет ее?

Но, может быть, они смотрят на свое анархическое государство только как на некоторый отдаленный идеал будущего, как на такую общественную форму, которая должна, так сказать, завершиться, а не служить практическим *средством* осуществления социальной революции? Действительно, брюссельская записка прямо говорит, как мы это видим, что организация государства снизу (т. е. образование того, что она называет анархическим государством) будет более или менее далеким последствием социальной революции...

Однако же, когда она приступает к анализу различных функций этого государства, она приписывает ему такого рода деятельности, которые прямо указывают на его революционный характер. <...>

А между тем сама же брюссельская записка признает, что в этот подготовительный период, в период борьбы старого мира с новым, пролетариат должен быть облечен «диктаторской властью» и что одной из первых мер, которую придется принять этой коллективной диктатуре, будет захват всех видов крупной общественной службы, «экспроприация в пользу государства» «всех компаний, владеющих железными дорогами, рудниками, каналами и т. п., их имуществ, орудий, машин, земель и т. п.». Очевидно, что эта экспроприация, которая должна будет по логике вещей распространиться и на орудия, машины, земли и т. п., находящиеся в руках частных лиц, послужит отправным пунктом экономической реорганизации общества.

Как поступит государство с экспропрированными землями? Оно может или обратить их в свою собственность, или передать их в собственность крестьянским общинам*.

ческого идеала. Например, под «победой пролетариата» подразумевается только та победа, которую он одержит над политической силой современного государства, та победа, которая, сделав его хозяином своей судьбы, откроет ему возможность приступить к постоянному пересозданию исторического общества согласно с потребностями и интересами трудящейся массы.

* По мнению брюссельской записки, «в странах, где господствует крупное сельское хозяйство, где значительные пространства земли подвергаются

Но как бы то ни было, станет ли государство само заниматься эксплуатацией земель в обширных размерах, или оно будет сдавать их мелкими участками во временное владение рабочих артелей и ассоциаций, или же, наконец, предоставит в собственность общинам, во всяком случае определение условий обработки и пользования этими землями, условий производства и распределения продукта будет зависеть всецело от него одного. То же самое можно сказать о заводах, фабриках, рудниках и всех вообще орудиях производства, экспроприированных государством и предоставленных им в пользование рабочих ассоциаций. Следовательно, факт экспроприации (как бы ни было поступлено с экспроприированным имуществом) сделает государство полным хозяином в деле *организации* труда и *распределения* его продуктов, во всех отраслях промышленности, на всех пунктах подвластной ему территории.

Когда оно, пользуясь своими материальными средствами и нравственными силами, введет наконец повсеместно такую организацию труда, которая вполне будет соответствовать интересам рабочих масс, т. е. идеалам коммунизма, тогда, и только тогда, будут «устранены все препятствия, лежащие на пути к освобождению рабочего класса» (стр. 21), — и только тогда, по словам брюссельской записки, может начать функционировать анархическое государство.

Но ведь тогда уже не будет существовать ни индивидуальной собственности, ни семьи (как необходимого ее постулата), ни кредита, ни денег, ни менового обращения товаров, не будет

общей систематической обработке или по крайней мере входят в состав одного владения и захватывают нередко несколько общин, в странах, где вместе с тем исторические традиции выработали в народе взгляд на землю как на национальную собственность, — в этих странах почти наверное можно сказать, что поземельная собственность делается непосредственной собственностью всего народа (т. е. государства), а не общин (например, в Англии). В тех странах, где большая часть земли (например, в Североамериканских штатах) и до сих пор еще составляет собственность государства, нам кажется очевидным... вопрос тоже будет решен в смысле обращения земли в собственность нации. Что же касается стран, где господствует мелкое хозяйство и мелкое землевладение, здесь вопрос, по всем вероятностям, будет решен скорее в смысле передачи поземельного имущества общинам; при этом останется только впоследствии произвести более или менее равномерное распределение земель между различными общинами, принимая за основание просторанство и цельность остальных участков» (см. Брюсс. зап., стр. 44–45).

существовать и никаких поводов к преступлениям, не будет надобности в карательном правосудии, ни в тюрьмах, ни в жандармах; следовательно, почти все те общественные службы, которые в настоящее время брюссельские и женевские прожектеры возлагают на общину, потеряют всякое *raison d'être*⁷. Мало того, раз коммунистическая система производства и потребления будет осуществлена в практической жизни, раз общественное воспитание, руководимое государством, вполне проникнется духом и принципом этой системы, как уже и самое понятие об *общественной службе* утратит всякий разумный смысл.

Мы уже показали выше, что никакая общественная служба немыслима без *власти*, без *принуждения*; что именно этот-то элемент власти и принуждения и составляет тот характеристический признак, который выделяет представление о ней из представления об «общепольной работе» вообще. Но при полном осуществлении в жизни идеи братства, равенства, при устранении «всех препятствий, лежащих на пути к освобождению» человечества от ярма экономического рабства, эксплуатации и конкуренции, не может быть более речи о власти и принуждении.

Следовательно, будущий строй общества исключает самое понятие об общественной службе. Что же касается до «переходного времени», до того революционного периода, через который придется пройти современному историческому обществу, прежде чем оно воплотит в жизнь коммунистические идеалы, то в этот период, по словам самой же брюссельской записки, должна иметь место лишь «коллективная диктатура», т. е. государство централистическое и авторитарное, государство, которое одно только и может (опять-таки, говоря словами брюссельской записки) «устранить все препятствия, лежащие на пути к освобождению рабочего класса».

Какой же после этого имеет смысл *анархическое государство*, проектированное брюссельскими и женевскими законодателями? Как идеал будущего оно не выдерживает ни малейшей критики, так как оно исключительно приноровлено к условиям данного, современного нам исторического общества, так как оно предполагает и семью, и индивидуальную собственность, и мену, и деньги, и полицию, и тюрьмы, и войско, и жандармов. Какой же это идеал? Помилуйте! Ведь это только *новая оболочка для старого содержимого!*

Как переходная форма от старого порядка к новому оно еще меньше годится, потому что, децентрализируя общины, осла-

бляет силу революционного пролетариата и до бесконечности затрудняет его борьбу «с препятствиями, лежащими на пути к освобождению рабочего класса». Чем децентрализованнее государство, чем более раздроблены и разъединены правящие силы, тем оно консервативнее, — это азбучная истина государственной науки. <...>

Составители брюссельской записки тоже это понимают, но они, к несчастью, не умеют быть последовательными: признав, с одной стороны, необходимость установления в период борьбы новых общественных начал со старыми государства авторитарного, они, с другой стороны, рекомендуют для того же «переходного времени» свои прожекты *анархического государства*. При этом как у них, так отчасти и у женеццев идеал этого анархического государства представляется каким-то уродливым гермафродитом, чем-то средним между идеалом анархии и государственности. <...>

Этот гермафродитизм анархического государства, это видимое противоречие принципов, лежащих в его основе, логически обусловливается тем ненаучным, произвольным методом, при помощи которого оно строилось.

Составители записок вместо того, чтобы начать сначала, т. е. с той «отправной точки», которой, по мнению брюссельской записки, должно быть государство авторитарное, социалистически-революционное, и затем показать, как постепенно, по мере «устранения препятствий, лежащих на пути к освобождению рабочего класса», это государство будет вырождаться в общину, коммуну, как одна за другой будут отпадать от него различные общественные службы и как, наконец, политическая организация общества сольется с его экономической организацией и совершенно поглотится ею, — вместо того они, взяв «за исходную точку зрения современный порядок вещей, настоящие роды общественной службы», некоторые из отраслей этой службы совсем исключили, некоторые прибавили, и из этого винегрета они состряпали свой проект организации общественной службы в будущем обществе, проект, представляющий какую-то странную амальгаму того, что *есть*, с тем, что, по их мнению, *должно быть*. Отрывки настоящего с отрывками будущего, отдаленный идеал и рядом грубый эмпиризм, жандармы, тюрьма, войско, личная собственность, семья⁸ и рядом — регулирование производства и распределение товаров производительными

группами, какие-то «торговые агентства», полная автономия общины, автономия личности и т. п. — всё это произвольно сбито в одну кучу.

Понятно, что подобная куча не может представлять никакого органического единства, и, разбирая составные ее части, вам приходится постоянно спрашивать себя: какая волшебная сила ухитрилась связать их воедино и подвести под один общий ярлык — анархическое государство?

